

© 2004 г. З.С. САНДЖИ-ГАРЯЕВА

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ И ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Поэтический язык Андрея Платонова странен, сложен и необычен, его изучение характеризуется множественностью аспектов и разнообразием интерпретации одних и тех же фактов. Разные стороны языкотворчества Платонова описываются с точки зрения лингвопоэтики [Толстая-Сегал 1979; Дмитровская 1990; 1999; Левин 1991; Радбиль 1998а], лингвистики [Кожевникова 1990], психолингвистики [Стернин 1999], лингвокультурологии [Купина 1999а; 1999б].

Существенная особенность платоновского стиля (без которой его творчество невозможно понять) заключается в отношении писателя к современному ему официальному языку, в способах его использования и изображения. Необходимо подчеркнуть, что особенность эта вытекает не только из социально-политических взглядов писателя, ее природа объясняется не столько критическим отношением к советской власти, к господствующей идеологии, сколько философией, и философией языка в частности. Вообще языковая позиция Платонова не объяснима так называемой "тоталитарной моделью", предполагающей противостояние и борьбу власти и масс, тоталитарного и антитоталитарного языка. Не думаем, что эту позицию можно квалифицировать только лишь как "языковое сопротивление" [Купина 1999а; 1999б], что и постараемся показать в предлагаемой статье. Нельзя также забывать о том, что Платонов никогда (и в 20-е и в 30-е годы тоже) не был, по выражению И. Бродского, "антисоветчиком". В рамки советской культуры Платонов не вмещался потому, что "его искусство было направлено на главный несущий элемент хилиастического чувства в русском обществе – на сам язык" [Ботникова, Мущенко, Никонова 1999: 242]. Платонов не отчуждается, не отстраняется от нового языка. Пафос Платонова был не в отрицании и разрушении старого языка, а в изобретении нового. Это, кстати, сближает Платонова с Хлебниковым, языковая программа которого также была направлена не столько на разрушение старого языка, сколько на созидание нового. О принципиальной важности связи Платонова с официальным языком очень точно сказал И. Бродский: "...он, Платонов, сам подчинил себя языку эпохи, увидев в нем такие бездны, заглянув в которые однажды, он уже более не мог скользить по литературной поверхности, занимаясь хитросплетениями сюжета, типографскими изысками и стилистическими кружевами" [Бродский 1994: 155].

Отношение писателя к стандартному языку 20-х – 30-х годов было сложным. В первых, оно изменялось в разные периоды творчества, что было связано с философскими умонастроениями писателя. В. Эйдинова показала, что для Платонова начала 20-х годов было характерно понимание окружающей действительности как "мирадома", для Платонова же 30-х характерны мотивы "несвязей", "картина распадающихся связей" [Эйдинова 1994]. Выделяют в истории стиля писателя периоды "риторический" и "сатирико-лиричный" [Верхейл 1994]. Соответственно меняется и отношение к официальному языку: от речевого союза до речевого несоответствия. Это можно видеть и при сравнении таких принципиально значимых для творчества Платонова текстов, как "Чевсгург" и "Котлован". Думаем, что подобные изменения ра-

зумно было бы связывать с различием двух советских культурно-языковых моделей [Паперный 1996; Романенко 2003].

Во-вторых, во взгляде Платонова на новый язык неразрывно слиты приятие и неприятие, диапазон его оценок – от сочувственной улыбки до иронии и пародии. Пожалуй, наиболее глубоко охарактеризовал этот факт Т. Сейфрид: «Когда в работах, написанных на пороге 20-х – 30-х годов такой его "юродивый язык" становится приемом для пародии прочно сложившегося к тому времени официального языка (т. е. когда его деформации начинают осознанно направляться на то, чтобы подорвать некий "условный, шаблонный язык"), то причисление Платонова к рядам авангарда начинает казаться вполне оправданным.

Однако этот взгляд на Платонова как на некоего инстинктивного авангардного пародиста "языка сталинской эпохи" довольно скоро обнаруживает свои недостатки, встречая самые серьезные сложности именно в тех местах его шедевров, где просвечивается ностальгия по тем языковым оборотам, над которыми он иронизирует. У Платонова язык сталинской эпохи получает своеобразное, но отнюдь <...> не предвзятое определение: это некий аллегорико-утопический диалект, удачно превосходящий всякие семантические различия между буквальным и переносным, отвлеченным и конкретным значениями, здесь всюду смешивается политическая фразеология с семантикой бытия, как бы доказывая этим процессом пригодность социализма как преобразователя вселенной. Платонов не столько издевается над каким-то утрированным вариантом советского языка, сколько сожалеет, что в конце концов действительность оказывается этому языку неадекватной. В этом смысле Платонова даже можно назвать самым убежденным сторонником этого языка» [Сейфрид 1994: 146–147].

В-третьих, Платонов не только оценивает, он выступает в своих произведениях конструктивным участником процесса соединения языка власти с речью масс, создателем, сотворцом нового языка. И в этом смысле можно говорить о том, что в произведениях 20-х – 30-х годов Платонов проявляется как экспериментатор, пытавшийся соединить официальный клишированный язык и речевую стихию неграмотных масс и преобразовать их в нечто новое. Но синтез этих речевых феноменов не удался, о чем сам писатель, оценивая языковую ситуацию 1931 года, сказал в бедняцкой хронике "Впрок": *"Но зажиточные, ставшие бюрократическим активом села, так официально-косноязычно приучили народ думать и говорить, что иная фраза бедняка, выражающая искреннее чувство, звучала почти иронически. Слушая, можно было подумать, что деревня населена издевающимися подкулачниками, а на самом деле это были бедняки, завтрашние строители новой истории, говорящие свои мысли на чужом, кулацко-бюрократическом языке"* [Платонов 1999: 207–208].

Задача нашей статьи – выявить и описать платоновское понимание современного ему стандартного языка, его модель (образ) – в первой части статьи – и показать, как писатель ее созидал и трансформировал в своем поэтическом языке, как экспериментировал с ним в процессе соединения с речью масс – во второй части статьи. Заметим, что в первой части, строго говоря, речь тоже идет о преобразовании, но проявляющемся в сочетаемости, в синтагматике, в синтаксисе [Санджи-Гаряева, Козинец 1998]. Материал работы – проза и драматургия Платонова конца 20-х – начала 30-х годов, в которой наиболее явно проявилось отношение писателя к языку эпохи ("Чевенгур", "Ювенильное море", "Котлован", "Впрок", "Усомнившийся Макар", "14 Красных Избушек", "Высокое напряжение"). Для изучения темы необходимо знакомство с источниками, отражающими социально-политический и культурный контекст эпохи (речи политических деятелей, партийные документы, пресса, лингвистические описания языка того времени). Материал источниковедческого характера и историко-филологический комментарий текстов А. Платонова содержится также в работах [Золотоносов 1990; Вьюгин 2000; Вахитова 2000; Галушкин 2000; Яблоков 2001].

ОБРАЗ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКА

Истоки нового языка (языка революционной эпохи [Селищев 1928], советского языкового стандарта [Поливанов 1968а; 1968б], тоталитарного языка [Купина 1999а; 1999б], языка утопии [Геллер 1999], новояза, по Дж. Оруэллу, канцелярита, по К.И. Чуковскому) – в партийных документах, прессе, трудах Ленина и Сталина. В сознании платоновских героев этот язык отражается в виде некоей модели, структурирующей картину мира, в котором они живут. Эту модель можно назвать образом языка, который строится как система оппозиций ключевых слов-понятий. Пространство языка, отражающее жизненное пространство героев Платонова, организуют следующие семантические признаки: власть – масса, движение вперед – отставание (как во временном, так и в идейно-политическом плане), старое – новое. Герои, населяющие данное языковое и жизненное пространство, образуют трехчленную оценочную структуру враги – неясные – не враги, которая для советской культуры была архетипичной [Романенко, Санджи-Гаряева 2000]).

Власть – массы. Производными от понятия "власть" являются ключевые слова *директива, линия, план, организовать, организованность (организованные, неорганизованные)*. С помощью этих слов устанавливается связь между властью и массами. Через *директиву, линию, план, организацию* реализуется власть над массами, а массы в соответствии с этими понятиями ищут смысл своего существования. Сему власти в текстах Платонова реализуют слова: *власть, вождь, руководство, руководящий, максимальный класс, классик масс, первоначальный человек, вождевой актив, центральные люди, организующий персонал, активный персонал, актив, активист*. Примеры: *Зовите сюда всю власть и Прушевского; Вождь, товарищ, остановите ремонт комнаты старичков; Жесткое руководство нам необходимо; руководящий аппарат (человек); руководящий персонал советского скотоводства; Жачев ... посещал его, дабы кормиться от рабочего класса; но среди лета он переменял курс и стал питаться от максимального класса; Они ждали активиста как первоначального человека; подглядывал в страстные тайны взрослых, центральных людей; никто не приходил из организующего или технического персонала; где же тогда греться активному персоналу?; заседавшему активу было легче наблюдать массы из окна и вести их все время дальше; районные люди; районные черты; дрессировщики масс; постоянно грозивший ему палец из района; Отстановись, классик масс*. Проводник власти и самый близкий к массам ее представитель обозначается, например, в "Котловане", словами *активист* и *актив*: *...здесь живет активист общественных работ по выполнению государственных постановлений и любых кампаний, проводимых на селе; Они ждали активиста как первоначального человека в колхозе; В начале ... был вождевой актив..., который организовал людей из животных*.

Понятие "народ", "массы" реализуется в большинстве случаев словами *масса* (в форме ед. ч. в отличие от узуальной формы мн. ч.) и *колхоз*. Оба слова могут использоваться как в собирательном (первичном) значении, так и единичном (метонимическом). Примеры: *Эх ты, масса, масса. Трудно организовать из тебя скелет коммунизма! И что тебе надо? Стерве такой? Ты ведь авангард, гадина, замучила!; Ты думаешь, я просто себе гуца масс?; А ты не бойся, массы, они ведь добрые; Смотри, Чиклин, как колхоз идет на свете – скучно и босой; Колхоз неколхозно спал на Оргдворе; Вышедши наружу, колхоз сел у плетня*. В значении "массы" реже употребляются слова *пролетариат, беднота* и др.

Власть и массы взаимодействуют. Власть управляет, воздействует, учит, ведет. Массы с готовностью подчиняются, учатся, идут по указанному пути. Массы нуждаются во власти, без нее они беспомощны и пассивны. Примеры: *Стоявшие люди ни на мгновение не упускали из вида активиста, ближние же ко крыльцу глядели на руководящего человека со всем желанием в неморгающих глазах, чтобы он видел их готовое настроение; Особенно долго активист рассматривал подписи на бума-*

гах: эти буквы выводила горячая рука округа, а рука есть часть целого тела, живущего в довольстве славы на глазах преданных, убежденных масс; Где есть масса людей, там сейчас же является вождь. Масса посредством вождя боится свои тщетные надежды, а вождь извлекает из массы необходимое. Ключевыми словами, обозначающими готовность масс подчиниться власти, являются *угождать и угождение* (и производные от них): *Активист дал знать Чиклину и Воцеву, что директивой товарища Пашикина они должны приурочить все свои скрытые силы на угождение колхозному разворачиванию.*

Способы воздействия на массы и ее формирование обозначаются словами *директива, линия, план, организация*. Следует отметить, что в "Чевенгуре", еще лишенном критического отношения к советскому языку, эти слова почти не встречаются (кроме *организовать*). Руководящие бумаги сверху здесь называются *циркулярами*, например: *Читай, Прош, циркуляры губернии и давай им навстречу наши формулировки; Следующим пунктом у нас идет циркуляр о профсоюзах...* В поздних текстах Платонова наиболее значимо и частотно слово *директива*, что отражает укрепление бюрократического аппарата государства. В "Котловане" оно пронизывает все повествование, жизнь героев целиком зависит от нее. Без директивы жизнь масс останавливается и обесмысливается: *Как же, товарищи активы, нам дальше-то жить? – спросил колхоз. – Вы горюйте об нас, а то нам терпежа нет* (эпизод после смерти активиста, служившего проводником директив в массы). Директива спускается сверху, из центра, из областного города, из находящейся выше организации. Директивное значение реализуется целым рядом слов: *постановление, областная бумага, установка, указание, лозунг, возглас, горячая рука округа*. Примеры: *Каждую новую директиву он читал с любопытством будущего наслаждения, точно подглядывал в страстные тайны взрослых, центральных людей. Редко проходила ночь, чтобы не появлялась директива, и до утра изучал ее активист, накапливая к рассвету энтузиазм несокрушимого действия.* Директива может быть разной степени значимости: личная, местная, районная, областная, центральная. *Всякое слово хрустит в уме, читаешь, как будто свежую воду пьешь; только товарищ Сталин может так сообщать. Наверно, районные черти списали ее с центральной; Он заплакал на областную бумагу.* Она может быть как письменной, так и устной: *пустил устную директиву*. Она может становиться предметно-телесной и нарративизироваться (об этом во второй части статьи).

Второе по значимости ключевое слово, производное от власти, – *линия*. Если директива у Платонова конкретна, предметна, близка к обыденному сознанию масс, то линия – понятие более абстрактное, это общее направление, взгляды, политика партии: *Мы слышим из радио линию, а шупать нечего; Вот она четкая линия в будущий свет; Вот проверну здесь генеральную линию... , поеду учиться; А с кем останетесь? – с задачами, с твердой линией дальнейших мероприятий.* Линия может быть общей, генеральной, на нее переносится теплое отношение к вождю, от которого она исходит: *дорогая генеральная линия*. Линия характеризуется четкостью и твердостью, прямотой, невозможностью отклонения вправо и влево (опасность *сползания по правому и левому откосу с отточенной остроты четкой линии*). Линия может иметь и более частное значение – "поведение в каком-либо конкретном случае, тактика в отношении определенного человека". Синонимы линии – *точка зрения, тенденция*. Примеры: *Ты, Козлов, свой принцип заимел и покидаешь рабочую массу: значит, ты чужая виш, которая свою линию всегда наружу держит; Это никуда не годится, я пойду в инстанцию, вы нашу линию портите, вы против темпа и руководства – вот что такое; Сафронов думал, какую бы наиболее благополучную линию принять в отношении сидящего представителя интеллигенции.*

Средство организации жизни и работы массы – *план*. Это слово-понятие органически вошло в новый быт героев. Как и директива, план спускается сверху. Над героями Платонова постоянно висит угроза невыполнения, срыва плана. Необходимость его выполнения в положенный срок держит героев в постоянном напряжении.

Актуальность этого слова-понятия отразилась во всей советской литературе 30-х годов. План имеет множество разновидностей: *пятилетний, промфинплан, встречный, посевной, рабочий, декадный, личный, бумажный, план-талон*, его можно *перевыполнять, выполнять, срывать, выгонять, взять* (в значении выполнить). Примеры: *Босталоева разобралась в планах и директивах, а затем позвала к себе Вермо и Федератовну; Промфинплан бы сорвали; Скажите, выполнила ночная свой встречный?; нормальной мещанской работой такого плана взять нельзя; сорвал план, подлец; выгоняя план до полутораста процентов*. Плановость пронизывает действия героев, придает смысл их существованию: *Каждый делает планово свое дело; В большом зале учреждения стоял гул от умственной работы, сотни усердных служащих ... билась на плановом поприще; А отчего, Никит, поле так скучно лежит? Неужели внутри всего тоска, а только в нас одних пятилетний план?; Рабочие планы в этом колхозе составлялись на каждые десять дней; Согласно такому общему декадному плану, всякому члену колхоза выдавался на руки личный план-талон, в котором обозначались объем работ, число часов для ее исполнения и расценок*.

Основной способ воздействия власти на массу – ее *организация*. Это понятие и соответствующие ему слова актуальны уже для героев "Чевенгура", которые только нащупывают путь к новой жизни: *А я хочу прочих организовать. Я уже заметил: где организация, там всегда думает не больше одного человека, а остальные живут порожняком и вслед одному первому*. Противопоставление организованности – неорганизованности наиболее значимо в "Котловане". Пространственные центры организованности – *Оргдвор* и *Оргдом*. *Организованные* – это представители массы, активно участвующие в новой жизни – колхоз (колхозники), пролетарии, члены, членки, колхозные девушки (в отличие от единоличных), даже колхозные лошади. *Неорганизованные* – нетрудовые элементы, единоличники, кулацко-середняцкая масса, люди без ясной цели, не охваченные общим делом. Примеры: *Организованные сели на землю и курили с удовлетворенным чувством, неорганизованные же стояли на ногах, превозмогая свою тщетную душу; Организованные члены и неорганизованные единоличники; Эй, организованные, достаточно танцевать, обрадовались, сволочь! Синоним неорганизованности – стихия: У нас сейчас стихии нет ни капли, деться никому некуда*. Ощущается явное преимущество организованной жизни перед стихийной или единоличной, организованность является знаком причастности к новой форме жизни, к власти, к благам, которые она дает: *А Козлов захотел уйти внутрь города, чтобы писать там опорочивающие заявления и налаживать различные конфликты с целью организационных достижений; Ты знаешь что, Левочка? Ты бы организовал как-нибудь этого Жачева, а потом взял и продвинул на должность – пусть бы хоть увечными он руководил!; наверно, в самом начале человечества был актив, который и организовал людей из животных; Все уже давно организовались, а мы живем, как анчутки*. Глагол "организовать", как и вся общественно-политическая лексика, у Платонова используется для описания не только общественной, но и частной, бытовой сферы жизни: *Пора бы костер по сильнее организовать, – сказал Кирей; вождевой актив организовал людей из животных; Так как же ты организовалась? (Сафронов спрашивает Настю в "Котловане"); Ты, Яков Титыч, – живешь не организационно, – придумал причину болезни Чепурный. – Чего ты брешешь? – обиделся Яков Титыч. Организуй меня за туловище, раз так*.

Движение (стремление) вперед – отставание. Эти слова-понятия выражают, во-первых, идею скорости, темпа, во-вторых, идею прогресса или отсталости. Сема скорости, стремительного движения вперед передается словами *темп, вперед, впереди, спешить, успеть, мчаться, рваться, некогда, скорее, скорость, бегом*. Примеры: *Пашкин решил во весь темп бросить Прушевского на колхоз; скорее, Миш, а то мы с тобой ударная бригада; С Оргдвора заиграла призывающая вперед музыка; Скорее надо рыть землю и ставить дом, а то умрешь и не поспеешь; он без*

словно любил бедноту, которая, поев простого хлеба, желательно *рвалась вперед*, в невидимое будущее. Нам доказывать некогда, социализм не ждет, – возразил секретарь. Героев Платонова сопровождает постоянная боязнь не успеть что-либо сделать в срок, опоздать (это связано и с разобранным выше ключевым словом *план*). Часто стремление вперед доводится до абсурда, это движение ради движения, например: *Елисей держал в руке самый длинный флаг и, покорно выслушав активиста, тронулся шагом вперед, не зная, где ему остановиться; Ты куда? Чего ты мчешься? Ведь адрес потеряешь!* – *Да куда-то вперед, сам не знаю; яростно и директивно натягивая группу бедняков-активистов, не давая им ни понять, ни почувствовать, вперед, бегом, через колхоз, на коммуну.*

Ключевое слово того времени *темп* у Платонова обозначает не только скорость движения, но и процессы новой жизни, в частности, строительство котлована, коллективизацию. Например: *Гляди, Кондров, не задерживай рвущуюся в будущее бедноту – заводи темп на всю историческую скорость!* Вощев задумывается *среди всеобщего темпа*. Движение вперед, стремительный темп имеет тотальный характер (символична фраза из пьесы "Высокое напряжение": *Мы попали в общепролетарское силовое кольцо и вот мчимся*). Не участвующие в этом движении составляют исключение (Вощев в "Котловане", Мешков в "Высоком напряжении"). Поэтому отставание текстуально выражено слабее. Отставание грозит опасностью и гибелью: *замедленное движение всегда чревато риском и падением; Опасность отставания налицо; В тебе нет колхозного чувства и классовой нужды, не все успевают за революцией.*

Оппозиция "движение вперед – отставание" базируется не только на временном признаке, но и на социально-политическом. В этом случае ведущими словами становятся *передовые* и *отсталые*, причем, принадлежность к передовым (синоним – *авангард*) означает чаще всего принадлежность к власти, отсталость же – свойство массы, она синоним нетвердости убеждений, слабости души, а также темноты, непросвещенности. Примеры: *Пашкин жил в основательном доме из кирпича, чтобы невозможно было сгореть, и открытые окна его жилища выходили в культурный сад, где даже ночью светились цветы. Пашкин много приобрел себе классового сознания, он состоял в авангарде; Рвущаяся вперед сволочь (слова Жачева о Козлове) покидает рабочую массу, чтобы перейти в служебные учреждения; он..., запомнив формулировки, лозунги, стихи, заветы, всякие мудрости, тезисы различных актов, резолюций ..., пузал ... служащих своей научностью, кругозором и подкованностью. Дополнительно к пенсии по первой категории он обеспечил себе натурное продовольствие; Прощай, – сказал ему Сафронов, – ты теперь как передовой ангел от рабочего состава, ввиду вознесения его в служебные учреждения; Мы ихнюю отсталость сразу в активность вышибем; Мы тебя отстоять не можем, ты человек несознательный, а мы не желаем очутиться в хвосте масс; Неужели я отстал, неужели я дурак?; Ты мыслишь отстало; И четко создал отсталость масс. Карьеристы-партийцы иногда стремились "обогнать линию": дабы угодить наверняка и забежать вперед главной линии, чтобы впоследствии радостно встретить ее на чистом месте, – и тогда линия увидит его, и он запечатлется в ней вечной точкой. Это могло кончиться и плохо (см. ниже о забеговществе и переусердичии).*

Таким образом, передовые и отсталые противопоставлены не столько по признаку просвещенности, прогрессивности, с одной стороны, и темноты, непросвещенности, с другой, сколько по социальному признаку. Поэтому передовые, или авангард, соотнесены с властью, отсталые же – с массой. Атрибутом передового человека, человека, находящегося в авангарде, является, по Платонову: а) принадлежность к власти, б) материальная достаточность, сытость, в) демагогическая риторика.

Старое – новое. Эта оппозиция является более общей, чем две предыдущие, поэтому она отчасти включает в себя некоторые из рассмотренных семантических признаков (организованность – неорганизованность, передовые – отсталые). Данное семантическое противопоставление в тексте реализуется, с одной стороны, в словах:

капитализм, капитал, империализм, буржуй, зажиточный, имущественные люди, кулак, пережиток, предрассудок, подкулацкий, единоличный, единоличник; с другой: социализм, коммунизм, колхоз, колхозник, совхоз, пролетарий, беднота, бедняцкий класс, классовый элемент, новый человек. Примеры: *Оргдвор* покрылся сплошным народом; присутствовали организованные члены и неорганизованные **единоличники**, кто имел **подкулацкую** долю жизни и не вступал в колхоз; *Вы что ж опять капитализм сеять собираетесь, или опомнились; Меня капитал* пополам сократил; *Терпи, пока старик капитализм помрет; А потому мы должны бросить каждого в раскол социализма, чтобы с него слезла шкура капитализма; Ясно, что Кучум имел на свежее поколение великую надежду и впряг всех взрослых людей, уже испорченных бывшим империализмом, работать на это живое будущее; Раньше я боялся, гожусь ли я в новую жизнь...; Единоличницы в большинстве своем лишь традиционно-унылые, беспросветные бабы; ...социализм будет, Настя его получит в свое приданое, а он, Жачев, скорее погибнет как уставший предрассудок; о чем мне горевать, когда уже присутствует большевистская юность и новый шикарный человек стал на учет революции.*

Оценка человека. Наименования лиц – это центр языкового мира, населенного платоновскими героями. Узуальная система оценок человека того времени описана в работе [Романенко, Санджи-Гаряева 2000]. Платоновский образ советского языка, воспроизводя внешнюю сторону этой системы, отличается своеобразием, к характеристике которого и перейдем.

Семантические признаки, относящиеся к человеку, образуют у Платонова трехчленную структуру оценочной лексики: враг – неясный – не враг (свой). Понятие врага обозначается словами: *враг, вредитель, шпион, белогвардеец, буржуй, кулак, субъект, чуждый, послед, подлец*, а также грубой бранной лексикой – *стерва, сволочь, гад* и др. Примеры: *такой товарищ есть вредитель партии, объективный враг пролетариата; ты скажи мне тихо: ты не шпион, не подлец, не вредитель?; Всякая вредительская стерва может легко обмануть и повести на гибель; это только субъекты сукины сыны; А лицо у него какое чуждое!; ты вон что надумал, кулацкий послед; опасный двурушник, надевший маску премированного ударничества.*

Группа "не враг" обозначается словами: *товарищ, ударник, члены, организованные колхозники, наш, ясный* и др. Примеры: *Я не хочу быть пустяком! Я хочу быть товарищем пролетариата; Я ударник и боюсь ослабеть, поэтому стараюсь лучше питаться; Их партия на все зубы пробовала, ничего не выходит: вполне наши люди; Кто бы я ни был, я человек определенный.*

Особенно многочисленна и разнообразна оттенками группа промежуточных оценок. Они прилагаются к героям, не являющимся ни врагами, ни своими. Их ощущение жизни передается словами героя "Высокого напряжения" Мешкова: *Я скучаю от товарища и утомляюсь от врага.* В советской действительности эти люди должны были "проясняться" или "разъясняться", то есть становиться либо своими, либо врагами. Название этой группы – "невыясненные" – дано самим Платоновым. В повести "Ювильное море" рассказывается о "специальном составе невыясненных" в связи с судьбой Умрищева. Платонов создает гиперболизированный сатирический образ невыясненных парт- и совработников, которые до "выяснения" живут особой жизнью, "разлагаются" и входят во вкус этой промежуточной жизни (некоторые уже и не желают "выясняться"):

«В том учреждении, которое заведовало Умрищевым, невыясненных людей скопилось уже целых четыреста единиц, и все они были зачислены в резерв, приведены в боевую готовность и поставлены на приличные оклады. Раза два-три в месяц невыясненные приходили в учреждение, получали жалование и спрашивали: "Ну как я, не выяснен еще?" – (Нет, – отвечали им выясненные, – все еще пока что нет о вас достаточных данных, чтобы дать вам какое-либо назначение, – будем пробовать выяснять!" Выслушав, невыясненные уходили на волю, посещали пивные, пели песни и бушевали свободными, отдохнувшими силами; затем они, собранные из разнообраз-

ных городов республики и даже из заграничной службы, шли в гости друг к другу, читали стихотворения, провозглашали лозунги, запевали любимые романсы <...> Некоторые невыясненные состояли в своем положении по году; таким говорили, что вот уже скоро они поедут на работу: осталось только выяснить – почему они не сигнализировали своевременно о какой-либо опасности отставания, когда еще были в прошлом на постах, или – почему ниоткуда не видно, что он не подвергался каким-либо местным взысканиям по соответствующим линиям, – нет ли здесь скрытых признаков кумовства именно в том, что послужной список слишком непорочный. Невыясненный начинал уже серьезно и, главное, тоскливо сознавать, что он ведь действительно смутный, невыясненный и определенно пагубный человек: что-то есть в нем такое скрытое и вредное, объективно очевидное, и лично неизвестное. Он шел тогда с горя в бухгалтерию доказывать, что два месяца не пользовался выходными днями и, получив за них содержание, направлялся к друзьям и товарищам – пить пиво и петь романсы среди дня» [Платонов 1988: 7–8].

"Невыясненные" и – шире – "неясные" делятся на подгруппы. Это, во-первых, парт- и совработники (случай Умрищева), неправильно (относительно линии) или сомнительно себя проявившие. Оценочные слова для этой подгруппы – из партийной критики: *оппортунист, головоотяп* и др. Платонов создает по существующим моделям свои наименования: *Перегибщик* или *головокруженец* есть подкулачник; *Шекотулов* есть тот левый прыгун, с которым партия сейчас воюет; *Замолчи*, несчастный схематик, сейчас я тебя тресну; *Я* в этом подходе конкретный руководитель, а не механист и не богдановец; он *головотяп* и *упущенец*, – так его называли в бумагах из района. Это люди, которые допускают маложелательные явления *перегибщины, забеговщества, переусердщины* и всякого сползания по правому и левому откосу с *отточенной остроты четкой линии*.

Другая подгруппа – это интеллигенция, спецы, то есть люди, связанные со старой культурой. Главное их свойство – рефлексия. Как правило, эти герои обречены: они хотят умереть и готовятся к этому: *Нужно кончатся. Я – мелочь, прослойка, двусмысленный элемент и прочий пустяк* (ср. с устойчивым словосочетанием советского времени *прослойка интеллигенции*). Их настроение – грусть, тоска, сиротство, одиночество среди *всеобщего темпа труда*. Их социальная ущербность подчеркивается семей ничтожности, уничижительности, незначительности, остаточности. Примеры: *Ты же мягкосердечный человек, либерал, гуманист; Мешков ведь сирота. У нас с ним нет своего класса; жалобный нетрудовой элемент; Вы – мелочь, сволочь, ничуть не большевики; Мы же старое поколение, остатки от истраченной мелочи; Проснется и скажет: ты что сидишь, буржуазный остаток?*

И, наконец, неясными могут быть и люди из массы, потенциальные враги или свои. Так "колхозник в возрасте" Вершков ("14 Красных Избушек"), ощущавший себя "не тем", побывал в ударниках, а кончил классовым врагом. Еще пример: *прочие неясные элементы, бывшие до того в заключении на Оргдворе*. Неясные могут проясняться, становясь либо врагами, либо своими, приобщившимися к социализму: *Неясность жизни была. – А нам давно все ясно.*

Своеобразие изображения Платоновым системы оценки советского человека, во-первых, в иронической авторской модальности, во-вторых, в снисходительности и отсутствии ненависти в изображении героев-врагов и неясных. Платоновская система оценок человека в отличие от нормативной советской имеет нежесткий характер, категории "враг" – "не враг" перетекают друг в друга: *Классовый враг нам тоже необходим: превратим его в друга, а друга во врага – лишь бы игра не кончилась.*

Такова картина советского языкового мира у Платонова. Она отличается от действительности не столько составом и структурой, которые смоделированы писателем очень точно, сколько модальностью, неповторимо сочетавшей в себе серьезность, сочувствие и иронию, переходящую часто в пародию.

Теперь рассмотрим особенности трансформации советского языкового стандарта в прозе Платонова 20–30-х годов. Конкретно речь пойдет об одном аспекте этой трансформации – языковой игре.

Основной принцип платоновского языкотворчества в прозе и драматургии рассматриваемого периода – “оживление” мотивированности языкового знака на фоне автоматизированности (и, значит, условности) знака языка вообще и официального языка в частности. Этот прием характеризует не только отношение писателя к официальному языку, но является принципом его поэтического языка. Е.А. Яблоков, ссылаясь на работы Ю.И. Левина и Е. Толстой-Сегал [Левин 1991; Толстая-Сегал 1981], отметил: «Кажется, что в глубинах платоновского слова заложен “протест” против языка вообще, причем в максимально широком смысле – против “знака” как такового; конвенциональному, абстрагирующему знаку противопоставит неповторимый “сокровенный” смысл, основное свойство которого (в отличие от “привычного” слова) в том, что он не разделяет субъект и объект, но воплощает их единство и неразсторжимость – “слитность”» [Яблоков 2001: 13]. Нахождение “сокровенного” смысла состоит в оживлении внутренней формы слова или в приписывании слову внутренней формы, то есть в созидании мотивированного слова, органически связанного с вещью. В результате в поэтическом языке Платонова происходит отождествление слова и вещи, знака и денотата (на основе их мотивированной связи).

Таким образом разрушаются стереотипы сложившегося в 30-е годы языкового стандарта. Эта трансформация стереотипов осуществляется Платоновым с помощью актуализации или преобразования знаков разных уровней (слово, его значение, словосочетание, высказывание). Отсюда возникает эффект языковой игры. Материал для игрового преобразования Платонов черпает из современного ему официального языка и шире – из политической ситуации 20–30-х годов. Принимая во внимание аналитическое, а порой и критическое отношение к ней или, точнее сказать, усиливающееся “сомнение” Платонова в правильности того, что делалось властями, нетрудно установить иронический, пародийный характер языковой игры. В его записных книжках читаем: “Сознание, оно не предмет искусства; сознательный человек поддается только иронической форме произведения” [Платонов 2000: 69].

Поясним, как мы понимаем языковую игру и насколько это понятие применимо к Платонову. Существует, как известно, два понимания языковой игры – широкое и узкое. Они сформулированы в работах Е.А. Земской, В.З. Санникова и Т.А. Гридиной [Русская разговорная речь 1983; Санников 1999; Гридина 1999]. Языковая игра в широком смысле включает в себя все способы актуализации языкового знака, а также игру целыми ситуациями и текстами. Языковая игра в узком понимании основана только на использовании языковых средств. Если к Платонову применимо само понятие языковой игры, то именно в широком смысле, так как в прозе Платонова отражается не только рефлексия над языком, но и отношение к политическим ситуациям, эпизодам 20–30-х годов, оценка политически значимых текстов этого времени [Санджи-Гаряева, Романенко 2000; Санджи-Гаряева 2001].

Это было хорошо понято властями и официальной критикой, что и повлияло на писательскую судьбу Платонова. Из опубликованных недавно архивных документов известно, что на полях повести “Впрок” Сталин написал: *Дурак, пошляк, балаганищик, беззубый остряк, это не русский, а какой-то тарабарский язык, болван, подлец, да, дурак и пошляк новой жизни, мерзавец. Таковы, значит, непосредственные руководители колхозного движения, кадры колхозов?! Подлец!* [Галушкин 2000: 816]. Вождя разозлила не враждебность содержания (ее не было), а именно стиль, игровой, насмешливый и потому неуместный. Кстати, выражение *дурак и пошляк новой жизни* является модификацией характеристики повествователя из повести “Впрок” *дурак новой жизни*.

На вопрос – целесообразно ли говорить о языковой игре у Платонова – можно ответить, на наш взгляд, положительно, сделав ряд оговорок. Платонов в русской литературе XX века, пожалуй, самый трагический писатель по мироощущению и по философии. А языковая игра имеет основной целью достижение комического эффекта. Феномен Платонова в том, что, не будучи писателем сугубо сатирического склада, элементы языковой игры (смешное) он соединяет с трагическим смыслом своих произведений. Смеховое начало у Платонова Л. Шубин объясняет принадлежностью его к народной культуре [Шубин 1987]. В определенной степени языковая игра в устах платоновских героев близка балагурству в определении Д.С. Лихачева: "Балагурство – одна из национальных русских форм смеха, в которой значительная доля принадлежит "лингвистической" его стороне. Балагурство разрушает значение слов и коверкает их внешнюю форму. Балагур вскрывает нелепость в строении слов, дает неверную этимологию..." [Лихачев, Панченко, Поньрко 1984].

Кроме сказанного, следует учитывать, что природа языковой игры у Платонова, как у Хлебникова и обэриутов, особая. Они делали установку на создание ирреального, сдвинутого мира, в котором смешное и серьезное, вымысел и реальность не были строго разграничены.

О присутствии комического начала у Платонова пишут многие исследователи. На наш взгляд, не следует преувеличивать его роль, поскольку смех Платонова не имеет шуточного характера, его нельзя назвать веселым. Элементы комического по-разному представлены в произведениях: это зависит и от тематики, и от замысла. Характер комического также неодинаков. Есть ирония, например: *У кого в штанах лежит билет партия, тому надо непрерывно заботиться, чтоб в теле был энтузиазм труда* ("Котлован"). Есть открытый сатирический смех: *И тут Кондратов обернул "Правдой" кулак и сделал им удар в ухо предрика* ("Котлован"). Наконец, есть горький юмор, рождающийся из соединения трагического и смешного: (Чиклин подарил девочке Насте два гроба) *В одном углу сделал ей постель на будущее время, а другой подарил ей для игрушек и всякого детского хозяйства: пусть она тоже имеет свой красный уголок* ("Котлован"). Или: *Встретил в гробу Сергея Петровича* ("Высокое напряжение").

В текстах Платонова реализуются главным образом два принципа языковой игры: аллюзийный и образно-эвристический. При аллюзийном принципе используемая языковая единица актуализирует социально-культурный или историко-литературный контекст восприятия. В основу языковой игры у Платонова положен принцип аллюзийной соотнесенности с речевой практикой 20–30-х годов: с политическими лозунгами, газетными штампами, ключевыми словами послереволюционного времени, с речью конкретных исторических лиц. В частности, прослеживается явный диалог со статьями Сталина "Головокружение от успеха", "Ответ товарищам колхозникам", "Год великого перелома" и др. Приведем примеры из "Котлована": *Но вот спустилась свежая директива <...> и в лежащей директиве отмечались маложелательные явления перегибщины, забеговщества, переусердщины и всякого сползания по правому и левому откосу с отточенной остроты четкой линии...; Перегибщик или головокруженец есть подкулачник; Он готовят и упуценец – так его назвали в бумагах из района.* Слово *обезличка*, частотное в речах Сталина, быстро распространилось в партийных документах, газетах и в официальной устной речи. В текстах Платонова оно встречается много раз, например: *У меня нет гнусной обезлички; Ты у меня видела отсутствие обезлички – первый этап моего руководства; Или я для тебя обезличкой стал?* (муж – жене). При этом слово, метонимизируясь, приобретает конкретное значение. Аллюзийная соотнесенность с реальными ситуациями лежит в основе всех преобразований игрового характера. Конкретные приемы языковой игры реализуют другой ее принцип – образно-эвристический. Платонов, будучи рефлектирующей языковой личностью, творчески преобразует и интерпретирует узуальные единицы языка, используя как

приемы балагурства (в понимании Д.С. Лихачева), так и острословия. О разграничении двух названных стихий см. [Русская разговорная речь 1983: 175].

Один из приемов языковой игры у Платонова – нарративизация актуальных для текущего момента слов и понятий, в этом проявляется иллюзия отождествления слова и предмета, означаемого и означающего. Например, директива становится семантическим центром микросюжетов, она нарративизируется, входя необходимой составляющей в сознание и жизнь платоновских героев: *Всю ночь сидел активист при непогашенной лампе, слушая, не скачет ли по темной дороге верховой из района, чтобы спустить директиву на село <...> Редко проходила ночь, чтобы не появлялась директива, и до утра изучал ее активист, накапливая к рассвету энтузиазм несокрушимого действия.* Директива конкретна, даже предметно-телесна, она может спускаться (как в приведенном примере), *лежать (в лежащей директиве отмечались маложелательные явления), на нее каплют слезы активиста (слеза активиста капнула на директиву, он заплакал на областную бумагу), ее сдергивают на пол (сдернув со стола директиву, Жачев начал лично изучать ее на полу).* Устойчивые штампы могут быть также развернуты в микросюжет, например: *Вопрос встал принципиально, и его надо класть обратно по всей теории чувств и массового психоза.*

Мотивированность языкового знака, в отличие от условности, ведет к отождествлению его и вещи. В качестве иллюстрации приведем слово *линия* – одно из самых значимых ключевых слов того времени: *Мы слышим линию из радио, а щупать нечего; С кем вы останетесь после раскулачивания? – С задачами, с твердой линией дальнейших мероприятий; Забегит вперед линии <...> линия увидит его; дорогая генеральная линия* и т.д. Яркий пример отождествления слова и вещи, столь типичного для Платонова, находим в рассказе "Усомнившийся Макар". В поисках применения своего изобретения Макар идет в профсоюз, где ему вручают бумагу: *"Товарищ Лопин, помоги члену нашего союза устроить его изобретение кишки по промышленной линии". Макар остался доволен и на другой день пошел искать промышленную линию, чтобы увидеть на ней товарища Лопина. Ни милиционер, ни прохожие не знали такой линии... На плакатах ясно указывалось, что весь пролетариат должен твердо стоять на линии развития промышленности. Это сразу вразумило Макара: нужно сначала отыскать пролетариат, а под ним будет линия и где-нибудь рядом товарищ Лопин.*

Для Платонова характерно и прямое совмещение фактов языка и действительности: *люди не могут побороть своего ничтожного безумия, чтобы создать будущее время; Они ходили во множественном числе по всем местам деревни; В то прошедшее время он скупал в земельных обществах овраги; Около кузницы висел возглас, написанный по флагу; Ничтожные у нас, знаешь где? А здесь одни многозначные.*

Разрушение автоматизма официального языка Платоновым достигается разными способами: посредством окказиональной сочетаемости политически актуальных слов, устойчивых оборотов и политических лозунгов, например: *перестань брать слово, когда мне снится; лучшего вождя и друга машин найти нельзя; не будьте оппортунистами на практике (слова обращены к землекопам); пусть она (Босталоева) покажет себя в действии; сплошная очистка семян; пролетарии здесь уже соединены;* путем демегафоризации и буквализации образных и устойчивых выражений и сочетаний, например: *Мы хотим измерить светосилу той зари, которую вы, якобы, зажгли; Стунай сторожить политические трупы от зажиточного бесчестья (имеются в виду умершие Сафронов и Козлов); Ты что, Козлов, курс на интеллигенцию взял? Вот она сама спускается в нашу массу.* Примеры этого см. также: [Вознесенская 1995].

Рефлексия по поводу речевых штампов выражается в обнажении их внутренней формы, что вызывает комический эффект. Так, Платоновым обыгрывается оксюморонность сочетания "текущий момент": *Копенкин про себя подумал: Какое хорошее и неясное слово: усложнение – как текущий момент. Момент, а течет: представить нельзя; Я считаю, что такая установка дает возможность опомниться*

мне и всему руководящему персоналу от текущих дел, которые перестанут к тому времени течь. Пашкин в "Котловане" пытается усовестить Жачева: *Я и так чем мог всегда шел тебе навстречу. Жачев ему отвечает: Врешь ты, классовый излишек, это я тебе навстречу попался, а не ты шел.* В текстах Платонова обыгрывается внутренняя форма слова *самотек*, часто встречающегося в документах, в речах Сталина и в партийно-хозяйственном жаргоне того времени. Примеры из речи Сталина на конференции аграрников-марксистов 1929 года содержатся в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова: *Большевизм принципиальный непримиримый враг самотека. Теория "самотека" в социалистическом строительстве есть теория антимарксистская* [Толковый словарь 1996, IV: 42]. У Платонова: *Нет ли в его работе скрытой установки на самотек?; Такая политика, похожая на безвольный самотек, могла разоружить революционные силы деревни; ...и, наконец, был один старичок, явившийся на оргдвор самотеком.* В "Котловане" ликвидируют кулачество путем сплавления его по течению реки, то есть обрекают на гибель. В следующем примере слову *самотек* возвращается внутренняя форма: *Не смей думать что попало! Или хочешь речной самотек заработать? Живо сядешь на плот.*

Объектом языковой игры у Платонова становятся типичные для официального языка синтаксические модели. Например, выражение *ликвидировать кулачество как класс* у Платонова рождает целую россыпь абсурдных с точки зрения нормы реализаций этой модели. Приведем примеры: *Сегодня утром Козлов ликвидировал как чувство любовь к одной средней даме (середнячке); Григорий озлобился на такую религию и увез бога на хутор как старика* (эпизод с богом в повести "Впрок"); *Ликвидировать бога как веру; Его ликвидировали как председателя; Жил в эпоху кулачества как класса; Здесь я объявляю благодарность женщинам как товарищам; А ты убей их (мух) как классового врага* и т. д.

Комический эффект возникает при совмещении нескольких смыслов в одном и том же слове. Пример из "Чевенгура": *Скучно вам жить? – Полная закупорка. По всей России, проходящие сказывали, культурный пробел прошел, а нас не коснулся: обидели нас!* (речь идет о революции). Слово *пробел* можно истолковать, во-первых, как "просвет" (старое значение), во-вторых, как "пропуск", "пустоту". Образно-переносное значение устойчивого словосочетания "на одном дыхании" сливается с прямым и буквальным в следующем примере: *Если б всю партию собрать в эту залу, – рассуждал Гопнер, – смело можно электрическую станцию пустить на одном партийном дыхании: будь я проклят!* Еще один случай буквализации значения устойчивой единицы: Пашкин в "Котловане" пытается усовестить Жачева: *Я и так чем мог всегда шел тебе навстречу. Жачев ему отвечает: Врешь ты, классовый излишек, это я тебе навстречу попался, а не ты шел.* Социальная и физическая семы соединяются в слове *урод*: Инвалид Жачев говорит о себе: *Я урод империализма.* Иронически двусмысленной выглядит фраза *Я тщательно старался объяснить религию как средство доведения масс до потери сознания.* Еще больший комизм обнаруживается в использовании слов *актив* и *член*, здесь официально-политический смысл сталкивается с грубо-физиологическим. Примеры: *Ну никак ты мне спать не даешь, – упрекнул Сотых (Чепурного). У нас в слободе такой актив есть: мужикам покою не дает: ты тоже актив, идол тебя вдарь!; Проклинаю текучее население, хочу общества и членства в нем! И в обществе я буду не член, а стынущая конечность.*

Типичный прием языковой игры у Платонова – паронимическая замена слов, имеющая глубокую смысловую мотивировку. Например: *Пришел товарищ Упоев, главарь (глава) района сплошной коллективизации; Зою сеять боюсь. – Какую зюю? Если сою, то ведь она официальный знак. – Ее, стерву (греческое имя Зоя означает жизнь); Из всякой ли базы (базис) образуется надстройка?; Как такие слова называются, которые непонятны? – скромно спросил Копенкин. – Тернии или нет? – Термины, – кратко ответил Дванов (и то и другое одинаково трудно и непонятно для Копенкина).*

Важная роль в языковой игре у Платонова принадлежит словообразованию. Писатель использует различные элементы словообразовательного механизма, привлекаемая в качестве базовых основ наименования советских реалий, с одной стороны, и типичные для 20–30-х годов модели – с другой. Например, актуализируется модель отглагольных наименований лиц с суффиксом *-енец*: *упущенец, угожденец, переугожденец, головокруженец*. Платоновым создается целая серия слов окказионального характера на базе актуальной лексики, например: *перегибщина, забеговщество, переусердщина, классово-расслоенная ведомость* (классовая расслойка), *скустоваться* (объединиться в куст), *ошибочник*.

Писателем активно используются для создания окказиональных слов аббревиация и сложение. В качестве примера аббревиации рассмотрим слово *бантик* из пьесы "14 Красных Избушек", механизм образования которого поясняется в самом тексте: *Тут бантик был. Какой бантик такой? ... Я тебе говорю сокращенно, арифметически, вроде Совнаркома ЦеКеБу: бе- а- не- те- ке: белогвардеец-антиколхозник*. Для создания новых слов используется актуальный в послереволюционное время элемент *контр*: *контр-дурак, контр-умница*. В текстах встречается большое количество сложных прилагательных типа: *землеуказательный, супротивно-организационный, транспортно-тарочный, ликвидационно-прорывочный*.

Особой выразительности Платонов достигает при создании окказиональных слов, антонимически противопоставленных узуальным, например: *разгибщик* (ср. *перегибщик*), *отжим* (ср. *зажим*), *расстройщик* (ср. *строитель*), *обычайка* (ср. *чрезвычайка*), *среднота* (ср. *беднота*). Приведем два примера: *Я убедился, что мнение о зажиме колхозной массы со стороны колхозных руководителей неверно. От Упоева колхозники чувствовали не зажим, а отжим, который заключался в том, что Упоев намеренно отжимал прочь всякого незначительного или ленивого работника ("Впрок"); Раньше буржуи жили. Для них мы с Чепурным второе пришествие организовали ... Был просто внезапный случай, по распоряжению обычайки. – Чрезвычайки? – Ну да ("Чевенгур")*.

Сугубо игровой характер, близкий к балагурству, имеют производные с основой *член* в значении "активный, партийный, колхозник": *членки* – колхозницы-активистки, *новочленцы* – колхозники. Пример из повести "Впрок": *Ты хоть бы раз на колхозные дворы сходила, посмотрела бы, как там членки доют*.

Интересны случаи окказиональных мотиваций, например, слово *большевизм* мотивируется прилагательным *большой* при узуальном соотношении: *большевизм – большевик: При большевизме я среднего ничего не видел. – И я тоже. ... Все одно только большое*.

Особый вид словообразовательной игры представлен в случаях, напоминающих обратное словообразование: *Ведь слой грустных уродов не нужен социализму (ср. прослойка); Из всякой ли базы образуется надстройка? (ср. базис)*. Близки к приведенным примеры образования слов путем усечения: *невер, оппорту*.

Яркий пример контаминации представлен в слове *дубъект*. Замена первой буквы в актуальной лексической единице "субъект" рождает два предположения: а) первая часть ассоциируется со словом *дуб*, б) со словом *думать*. Контекст не проясняет значения: *Впрочем, живу как дубъект, думаю чего-то об одном себе, потому что меня далеко не уважают*.

Комической выглядит контаминация в имени Пашкина ("Котлован") имени Троицкого и отчества Ленина: *Жена Пашкина помнила, как Жачев послал в ОблКК заявление на ее мужа и целый месяц шло расследование, – даже к имени придирались: почему и Лев и Ильич? Уж что-нибудь одно*.

Особый вид языковой игры представляют у Платонова антропонимы и топонимы: *Федератовна, Умрищев, Упоев, Определеннов, мастеровой по прозвищу Принцип*. Названия колхозов и совхозов: *Родительские дворики, Без кулака, Доброе начало*.

Языковая игра, представленная в материале, служит конституирующим средством соиздания образа автора в платоновской прозе, она характеризует своеобраз-

ную и уникальную языковую личность писателя. Эта уникальность, по нашему мнению, проявляется в образе автора в сочетании элементов как мифологического, так и рационалистического языкового сознания.

Мифологизм платоновского языка – не в неадекватном представлении связей и отношений реальности (и соответственно – ложном отображении шкалы ценностей) в словесном знаке [Радбиль 1998б: 8], а в созидании цельной, мотивированной, новой языковой действительности (и вслед за тем – действительности реальной) [Сейфрид 1994: 148–154]. О таком понимании мифа писал А.Ф. Лосев: "Обыкновенно полагают, что миф есть басня, вымысел, фантазия. Я понимаю этот термин как раз в противоположном смысле. Для меня миф – выражение наиболее цельное и формулировка наиболее разносторонняя – того мира, который открывается людям и культуре, исповедующим ту или иную мифологию" [Лосев 1993: 772–773]. Поэтому нарративизация, отождествление знака и денотата, культивирование внутренней формы знака, деметафоризация (буквализация метафор), то есть созидание мотивированного слова, поэтического языка, есть мифологизация языка. Кроме того, сюда же нужно отнести явное вытеснение метафоры метонимией (что характерно для языка прозы, а не поэзии [Якобсон 1987: 331]). Ведь суть метонимии – в цельности, отождествлении сопоставляемых объектов, в идее метафоры, напротив, лежит представление о схожести разных объектов, то есть об их различии. Все эти средства нужны Платонову для синтеза официальной и народной языковых стихий. Разрушение же стереотипов языка (и официального в частности), ирония, игра, насмешливый критицизм, черты пародийности – это элементы рационализма. Они слиты с мифологизмом, и эта слитность – специфика поэтического языка Платонова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ботникова, Мущенко, Никонова 1999 – А.Б. Ботникова, Е.Г. Мущенко, Т.А. Никонова. Язык и позиция повествования у Андрея Платонова... // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1999. Вып. 13.
- Бродский 1994 – И.А. Бродский. Предисловие к повести "Котлован" // Андрей Платонов. М., 1994.
- Вахитова 2000 – Т.М. Вахитова. Обратная сторона "Котлована" // Андрей Платонов "Котлован": Текст. Материалы творческой истории. СПб., 2000.
- Верхейл 1994 – К. Верхейл. История и стиль в прозе Андрея Платонова // "Страна философов" Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1994.
- Вознесенская 1995 – М.М. Вознесенская. Семантические преобразования в прозе А. Платонова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Вьюгин 2000 – В.Ю. Вьюгин. Повесть "Котлован" в контексте творчества Андрея Платонова // Андрей Платонов "Котлован": Текст. Материалы творческой истории. СПб., 2000.
- Галушкин 2000 – А. Галушкин. Андрей Платонов – И.В. Сталин – "Литературный критик" // "Страна философов" Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 2000.
- Геллер 1999 – М.Я. Геллер. Андрей Платонов в поисках счастья. М., 1999.
- Гридина 1999 – Т.А. Гридина. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1999.
- Дмитровская 1990 – М.А. Дмитриевская. "Переживание жизни": о некоторых особенностях языка А. Платонова // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
- Дмитровская 1999 – М.А. Дмитриевская. Язык и мирозерцание А. Платонова: Дис. на соиск. уч. ст. докт. филол. наук. М., 1999.
- Золотонос 1990 – М. Золотонос. Усомнившийся Платонов: ("Чевенгур"; "Котлован") // Нева. 1990. № 4.
- Кожевникова 1990 – Н. Кожевникова. Слово в прозе А. Платонова // Язык: система и подсистемы: К 70-летию М.В. Панова. М., 1990.
- Купина 1999а – Н.А. Купина. Язык тоталитарной системы в повести "Котлован" // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1999. Вып. 13.
- Купина 1999б – Н.А. Купина. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.

- Левин 1991 – Ю И Левин От синтаксиса к смыслу и дальше (о "Котловане" А. Платонова) // ВЯ. 1991. № 1.
- Лихачев, Панченко, Поньрко 1984 – Д Лихачев, А Панченко, Н Поньрко Смех в древней Руси. М., 1984.
- Лосев 1993 – А Ф Лосев. Бытие – имя – космос. М., 1993.
- Паперный 1996 – В Паперный Культура "Два". М., 1996.
- Платонов 1988 – А П Платонов. Ювенильное море: Повести, роман. М., 1988.
- Платонов 1999 – А Платонов Избранное. М., 1999.
- Платонов 2000 – А П Платонов Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000.
- Поливанов 1968а – Е Д Поливанов О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка // Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Поливанов 1968б – Е Д Поливанов Революция и литературные языки Союза ССР // Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Радбиль 1998а – Т Б Радбиль Мифология языка Андрея Платонова. Н.-Новгород, 1998.
- Радбиль 1998б – Т Б Радбиль "Семантика возможных миров" в языке А. Платонова // Филологические записки Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1998. Вып. 13.
- Романенко 2003 – А П Романенко. Советская словесная культура: образ ратора. М., 2003.
- Романенко, Санджи-Гаряева 2000 – А П Романенко, З С Санджи-Гаряева Оценка советского человека (30-е годы): риторический аспект // Речевая коммуникация. Саратов, 2000.
- Русская разговорная речь 1983 – Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Под ред. Е.А. Земской. М., 1983.
- Санджи-Гаряева 2001 – З С Санджи-Гаряева Языковая личность Андрея Платонова через призму языковой игры // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2001.
- Санджи-Гаряева, Козинсц 1998 – З С Санджи-Гаряева, С Б Козинсц Лексические трансформации в языке А. Платонова // Слово в системе школьного и вузовского образования. Саратов, 1998.
- Санджи-Гаряева, Романенко 2000 – З С Санджи-Гаряева, А П Романенко Образ советского языка у А Платонова // Русская литературная классика XX века: В. Набоков, А. Платонов, Л. Леонов. Саратов, 2000.
- Санников 1999 – В З Санников Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Сейфрид 1994 – Т Сейфрид Платонов как прото-соцреалист // "Страна философов" Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1994.
- Селищев 1928 – А М Селищев Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928.
- Стернин 1999 – И А Стернин. Язык смысла А. Платонова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1999. Вып. 13
- Толковый словарь 1996 – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1996
- Толстая-Сегал 1979 – Е Толстая-Сегал О связи низших уровней текста с высшими // Slavica Hierosolimitana. Jerusalem, 1979. V. 4.
- Толстая-Сегал 1981 – Е Толстая-Сегал Идеологические контексты Платонова // Russian literature 1981 V IX. № III.
- Шубин 1987 – Л А Шубин Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. Работы разных лет. М., 1987.
- Эйдинова 1994 – В Эйдинова О динамике стиля А. Платонова (От раннего творчества к "Котловану") // "Страна философов" Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1994.
- Яблоков 2001 – Е А Яблоков На берегу неба (Роман Андрея Платонова "Чевенгур"). СПб., 2001.
- Якобсон 1987 – Р Якобсон Заметки о прозе поэта Пастернака // Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы. М., 1987.